

ЛЕГКАЯ ВЫПРАВКА. НЕПРИПОДЪЕМНАЯ БОЛЬ

Когда пишешь рецензию — положено сравнивать и цитировать.

Но много цитировать — это почти как подворывать у читателя. Получается спойлер книжки, где, между тем, все должно быть впервые, как в настоящей любви.

А вот сравнить можно, причем желательно поверхностно, потому что как там на глубине — ведомо одному автору.

А то и ему неведомо.

Сравнения скорей нужны читателю — для того чтоб он смирил волнение и понял, что здесь все свои.

Здесь — все свои, читатель. Здесь — родня.

Так что давайте сравним.

Мы имеем дело с поэтом, который, должно быть, в годы былые умел все, и теперь может позволить себе работать в классической традиции.

Бесстрашие, с которым Мария Ватутина берется за самые непереносимые темы, роднит ее и с Юлией Друниной, и с Ольгой Берггольц.

Это первые фамилии, которые приходят на ум: они будто просятся, чтоб их назвали — хотя

бы из великого почтения к предшественницам, по сути, открывшим фронтовую женскую поэзию в том виде, как мы ее понимаем сегодня.

Женщины много писали и о Первой мировой — но мы тех имен, во-первых, не помним, а во-вторых, та поэтика в основном, увы, умерла. Потому что в основе той поэтики лежало как бы женское рукоделье. Они как бы вышивали, ожидая ушедших мужчин. А Друнина и Берггольц, насмотревшиеся в самом прямом смысле смертей (одна на фронте, другая в блокадном Ленинграде) и пережившие такое, о чем и сказать страшно, резали по живому. И слова находили для этого простые и живые, как боль и как кровь.

А как же, спросят иные, Цветаева — с ее стихами о Гражданской войне?

Как же Ахматова — с ее античной четкости строчками о нашей Отечественной?

А это несколько другая история. Взгляд их — взгляд с небесной почти высоты. В то время как Друнина и Берггольц — живописали, разглядывая описываемое ими в упор. И этот кровавый таз — с бинтами, осколками, человечинной — несли читателю.

Умение Марии Ватутиной состоит в том, что она может и так и так.

Ее госпитальный цикл — по сути своей фронтовая (или, если строже смотреть, прифронтовая) лирика. Реальность там выхвачена настолько четко, что я всех описанных ею покалеченных бойцов не просто узнал типологически — я теперь с каждым из них конкретно знаком. Кажется, встречу — и опознаю, и, не сдержавшись, окликну. Он спросит, вглядываясь: «Ты... у нас служил? Не припомню, браток...» — отвечу: «Да нет, я в стихах Ватутиной о тебе прочитал. Это же ты?..»

Вместе с тем ее философская лирика — религиозная, притчевая, все эти заупокойные поминанья по отчалившей Украине — она совсем иная. Она словно бы свыше явлена.

То есть Ватутина может смотреть в упор, а может — с иных, не вполне доступных глазу расстояний.

Это и есть главное умение в русской поэзии: когда поэт умеет и окопную частушку, и молитву.

Впрочем, что мы все о женщинах — речь, в конце концов, о поэзии вообще.

Читая Ватутину, я куда острее слышу — в зарисовках и лихих интонациях военных, почти фотографических, — симоновскую, твардовскую манеру; а в стихах осмысляющих — блоковскую убежденную силу.

Ватутина любит и умеет рассказывать — нынче совсем редкое в поэзии качество, когда каждый норовит философствовать на мелком месте и, лежа в лохани, изображать, что он уходит на самое дно и даже ниже дна.

Поневоле обрадуешься, когда поэт, избегая лишнего украшательства, владея некрасовской изумительной скороговоркой, поведет тебя за собой, повествуя.

Ватутина возвращает поэзии повествовательную ипостась; она — рассказчик в самом прямом смысле.

При всех этих отсылках и аллюзиях, которые можно и далее множить, главное состоит в том, что сущностно Ватутина говорит на собственном поэтическом языке. По сумме прожитого в поэзии — она очень взрослый поэт. Ватутина на всех основаниях — часть традиции и, родственная слишком многому, в конечном итоге не похожа ни на кого.

Очень важное в ней то, что она — пронзительный поэт. Ватутина, и на метр не подходя к пафосу и тем более к психологической манипуляции, способна вызвать сильнейшую сердечную эмоцию; да что там — судорогу.

Но при всем этом — она легкий поэт. Язык подвластен ей. Она не тянет строку, как сеть, собирая по пути ненужные ракушки и лишние

слова — но все делает ловко, хватко, по-русски, по-солдатски.

По-матерински.

И строчка ладится к строке.

И читать эти стихи — не труд, а, несмотря на эту самую сердечную судорогу, вопреки всему — радость.

Читать, говорю, не труд.

Писать — труд.

Да перенесет ее сердце тот груз, что она взяла и несет, — за себя и за всех тех, кто испугался и замолчал тогда, когда слово, наконец, вернуло вес.

Ее слово — уж точно.

Как никто иной, Ватутина имеет полное право носить свою генеральскую фамилию. Ибо она не сдалась и не отступилась. Она явила себя человеком долга, человеком упрямым, деятельным, собранным.

...Наконец, она, в отличие от многих мужчин и тем более женщин, знает, что курок взводят, а не жмут на него.

Тут я, впрочем, уже начал цитировать. А обещал, что не буду.

Вот и не буду.

А то не остановишься потом.

Сейчас сами в этом убедитесь, русские люди.

Захар Прилепин

